

Маг. 2691₂

жизнь Троицкого въ Оренбургской губ.

рыя давали бы полезный материалъ

с. 2.

Текущая литература.

Новые рассказы А. Чехова. „Человекъ въ футлярѣ“, „Крыжовникъ“, „О любви“ („Р. М.“, №№ 7-8).

(Окончаніе).

VI.

Было время, довольно, впрочемъ, давно, когда въ литературѣ нашей была въ большой модѣ жалобы на такъ называемыя „забданія средой“, причемъ подъ забдающею средою подразумевалась, преимущественно, провинціальная глушь. Жалобы эти мало-по-малу пріялись и противъ нихъ возстали въ литературѣ могучіе голоса, утверждавшіе, что, большею частью, жалующіеся на среду сваливаютъ лишь съ больной головы на здоровую, что инновата вовсе не такая то тамъ среда, а самыя личности, которыя позволяютъ сѣбѣ совершенно пассивно, безъ малѣйшаго сопротивленія и борьбы съ враждебными обстоятельствами. На этомъ положеніи обыкновенно и останавливались протесты противъ жалобъ безсилія на забданіе средою.

Мнѣ же кажется, что можно было бы пойти и далѣе. Можно было бы усомниться въ самомъ существованіи какой то интеллигентной среды. Точно, какъ будто, дѣло идетъ о наикѣ разбойниковъ, въ среду которыхъ попала купеческая дочь Наташа. На самомъ же дѣлѣ, изъ чего же состоитъ пресловутая забдающая среда, какъ не изъ самихъ же забдаемыхъ личностей? Такъ что, въ концѣ концовъ, выходитъ, что личности эти взаимно другъ друга забдаютъ, въ родѣ тѣхъ сказочныхъ пауковъ, посаженныхъ учеными въ банку, которые до чиста другъ друга съѣли, такъ что на утро банка оказалась совершенно пустою и не осталось въ ней ни одной пауковой ланки.

Если же мы взглянемъ поглубже въ это пресловутое забданіе средою, то окажется, что инновата не такая то людодѣка среда, а именно безцѣльность жизни, отсутствіе въ ней всякихъ разумныхъ и нравственныхъ цѣлей, исканіе лишняго счастья въ какой нибудь узенькой, ничего не ожидающей, агонистичной задачкѣ и вулгарный отказъ отъ мало-мальски разнотелнаго, рискованнаго шага къ

достиженію болѣе высокихъ цѣлей и болѣе захватывающаго свѣтлаго счастья. Тутъ нѣтъ ни палачей, ни жертвъ, ни пауковъ, ни мухъ, а по просту люди безразлично поголовно задыхаются въ смрадной иглѣ, при полномъ отсутствіи мало-мальски свѣжаго воздуха.

VII.

Такъ, напримѣръ, обратите вниманіе на героя рассказа „Крыжовникъ“ Николая Ивановича Чимпу-Гималайскаго. Отецъ его былъ изъ кантонистовъ, но, выслуживъ офицерскій чинъ, оставилъ своимъ двумъ сыновьямъ потомственное дворянство и имѣньишко. Послѣ его смерти имѣньишко у братьевъ оттягали за долги, но какъ бы ни было, дѣтство свое они провели въ деревнѣ и на волѣ, и вслѣдствіе этого героему нашему, нигдѣ не учившемуся и принужденному всю жизнь сидѣть въ казенной палатѣ и писать все тѣ же бумаги, было не по себѣ; его такъ и тянуло въ деревню. И эта тоска его, мало-по-малу, вылилась въ опредѣленное желаніе, въ мечту купить себѣ маленькую усадьбу, гдѣ-нибудь на берегу рѣки или озера. Сидя у себя въ канцеляріи, онъ только и мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ ѣсть свои собственныя щи, отъ которыхъ идетъ такой вкусный запахъ по всему двору, ѣсть на зеленой травкѣ, спать на соломкѣ, сидѣть по цѣлымъ часамъ за воротами на лавочкѣ и глядѣть на поле и лѣсъ. При этомъ въ каждой такой мечтѣ его неизмѣнно былъ „крыжовникъ“. Ни одной усадьбы, ни одного поэтическаго угла онъ не могъ себѣ представить безъ того, чтобы тамъ не было крыжовника.

— Деревенская жизнь имѣетъ свои удобства, — говорилъ онъ бывало. — Сидишь на балконѣ, пьешь чай, а на прудѣ твои уточки плаваютъ, пахнетъ такъ хорошо и... крыжовникъ растетъ.

При этомъ надо замѣтить, что героемъ нашъ вовсе не принадлежалъ къ числу тѣхъ безхарактерныхъ людей, которые ограничиваются одними мечтами; это былъ человекъ, обладающій, въ своемъ родѣ, сильною волей: упорно преслѣдуя свою цѣль, онъ не доѣдалъ, не допивалъ, одѣвался Богъ знаетъ какъ, словно нищій, и все копилъ и клалъ въ банкъ. Годы шли; перевелъ его въ другую губернію; минуло уже ему сорокъ лѣтъ,

а онъ все читалъ объявленія въ газетахъ и копилъ. Потомъ женился, но все съ тою же цѣлью, чтобы купить усадьбу съ крыжовникомъ, жонился на старой некрасивой вдовѣ, безъ всякаго чувства, потому лишь, что у нея водились деньжонки. Онъ и съ ней тоже жилъ скупю, держалъ ее впроголодь, а деньги ея положилъ въ банкъ на свое имя. Раньше она была замужемъ за почтмейстеромъ и привыкла у него къ пирогамъ и къ наливкамъ, а у второго мужа и хлѣба чернаго не видала вдоволь; стала чахнуть отъ такой жизни и года черезъ три отдала Богу душу.

Герой нашъ ни одной минуты не подумалъ, что онъ виноватъ въ ея смерти. Онъ приступилъ, наконецъ, къ осуществленію своей мечты. Мечта его осуществилась, конечно, какъ и всѣ наши мечты, лишь отчасти. Онъ купилъ черезъ комиссіонера съ переводомъ долга 112 десятинъ съ барскимъ домомъ, съ людской, съ паркомъ, но ни фруктоваго сада, ни крыжовника, ни прудовъ съ уточками; была рѣка, но вода въ ней цвѣтомъ, какъ кофе, потому, что по одну сторону имѣнія кирпичный заводъ, а по другую — костопальный. Но герой нашъ мало печалился, онъ выписалъ себѣ 20 кустовъ крыжовника и зажилъ помѣщикомъ.

VIII.

Какъ бы то ни было, герой достигъ своего счастья жить бариномъ и ѣсть свой собственный крыжовникъ, и это чисто животное счастье, лишенное мало-мальски разумной идеи, не замедлило обратить его въ свинью. Когда рассказчикъ, братъ его, пріѣхалъ навѣстить его, онъ нашелъ героя постарѣвшимъ, пополнѣвшимъ, обрюзгшимъ; щеки, носъ и губы тонулись впередъ, того и гляди хрюкать.

„Это уже былъ, по словамъ рассказчика, не прежній, робкій бѣдняга-чиновникъ, а настоящій помѣщикъ-баринъ. Онъ ужъ обжился тутъ, привыкъ и вошелъ во вкусъ; кушалъ много, въ банѣ мылся, полилъ, уже судился съ обществомъ и съ обоими заводами, и очень обжился, когда мужики не называли его „ваще высокоблагородіе“. И о дѣлѣ своей заботился солидно, но-барски, и добрыя дѣла творилъ не просто, а съ важностью. А какія добрыя дѣла?

Лечилъ мужиковъ отъ всѣхъ болѣзней содой и касторкой, и въ день своихъ именинъ служилъ среди деревни благодарственный молебенъ, а потомъ ставилъ полведра; думалъ, что такъ нужно. Ахъ, эти ужасныя полведра!.. Сегодня толстый помѣщикъ тащитъ мужиковъ къ земскому начальнику за потраву, а завтра, въ торжественный день, ставитъ имъ полведра, а они пьютъ и кричатъ ура, и пьяные кланяются ему въ ноги. Перемена жизни къ лучшему, сытость, праздность развиваютъ въ русскомъ человѣкѣ самомнѣніе, самое наглос. Человѣкъ, который когда-то въ казенной палатѣ боялся даже для себя, лично, имѣть собственные взгляды, теперь говоритъ однѣ только истины, и такимъ тономъ, точно министр. „Образованіе необходимо, но для народа оно преждевременно“, „тѣлесныя наказанія, вообще, вредны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онѣ полезны и незамѣнимы“.

— Я знаю народъ и умѣю съ нимъ обращаться, — говорилъ онъ. — Мени народъ любить. Стоитъ мнѣ только пошевелиться, и для меня народъ сдѣлаетъ все, что захочу.

„Вечеромъ, когда мы пили чай, говорить ниже рассказчикъ, кухарка подама на столъ полную тарелку крыжовника. Это былъ не купленный, а свой собственный крыжовникъ, собранный въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ были посажены кусты. Братъ засмѣялся и минуту глядѣлъ на крыжовникъ, молча, со слезами, — онъ не могъ говорить отъ волненія, потомъ положилъ въ ротъ одну ягоду, поглядѣлъ на меня съ торжествомъ ребенка, который, наконецъ, получилъ свою любимую игрушку, и сказалъ:

— Какъ вкусно!

И онъ съ жадностью ѣлъ и все повторялъ:

— Ахъ, какъ вкусно! Ты попробуй!

Было жестко и кисло, но, какъ сказалъ Пушкинъ, тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ. Я видѣлъ счастливаго человѣка, заветная мечта котораго осуществилась такъ очевидно, который достигъ цѣли въ жизни, получилъ то, чего хотѣлъ, который былъ доволенъ своей судьбой, самимъ собой. Къ своимъ мыслямъ о человѣческомъ счастьѣ всегда почему-то примѣнивалось что-то грустное, теперь же

при видѣ счастливаго человѣка, мною овладѣло тяжелое чувство, близкое къ отчаянію“.

Такъ вотъ и подумайте, можно-ли считать такого господина заѣденною средою жертвою, и гдѣ тотъ паукъ, который его заѣлъ? Напротивъ, мы видимъ человѣка довольнаго собою и счастливаго, добившагося разъ поставленной въ жизни цѣли.

Г. Чеховъ и показалъ намъ, до какого скотоподобія способна довести человѣка подобная цѣль.

IX.

Герой разсказа „О любви“, Алехинъ, въ свою очередь является человѣкомъ, вся жизнь котораго ушла на достиженіе никому ненужныхъ пустяковъ. Герой предыдущаго разсказа, Николай Ивановичъ, добился, во всякомъ случаѣ, того, что составляло предметъ его вожделѣнія и, въ концѣ концовъ, получилъ какой-бы то ни было крыжовникъ, хотя бы вяленькій и кислый. Алехинъ-же хлопоталъ всю жизнь изъ-за того только, чтобы уплатить большой долгъ, лежавшій на отцовскомъ имѣніи. Такъ какъ отецъ его задолжалъ отчасти потому, что много тратилъ на образованіе сына, то герой рѣшилъ, что не уѣдетъ изъ имѣнія и будетъ работать, пока не уплатитъ этого долга. Работать онъ началъ не безъ нѣкотораго отвращенія. Земля въ той мѣстности давала немного, приходилось или пользоваться трудами наемныхъ батраковъ или же вести хозяйство на крестьянскій ладъ, т. е. работать въ полѣ самому со своей семьей. Онъ не оставлялъ въ покоѣ ни одного клочка земли, сгонялъ всѣхъ мужиковъ и бабъ изъ соседнихъ деревень; работа у него кипѣла ненасытно; онъ самъ тоже пахалъ, сѣялъ, косилъ, и при этомъ скучалъ, брезгливо морщился; тѣло его болѣло и онъ спалъ на ходу. Пришлось бросить всѣ культурныя привычки, даже чтеніе газетъ и журналовъ.

Это было, въ своемъ родѣ, альтруизмъ, но, Боже мой, какой призрачный, какой безплодный альтруизмъ. Спрашивается: изъ-за чего растратилъ онъ всю жизнь свою, раздѣлъ отца ликвидировалъ имѣніе, къ сельскому же хозяйству герой нашъ не чувствовалъ ни малѣйшей склонности и занимался имъ съ отвращеніемъ.

А между тѣмъ человѣкъ пожертво-

валъ ради эфемерной цѣли счастьемъ взаимной любви.

X.

Онъ былъ выбранъ въ почетные мировые судьи, и ему приходилось кое когда наѣзжать въ городъ и принимать участіе въ засѣданіяхъ съѣзда окружнаго суда. Здѣсь онъ познакомился съ товарищемъ предсѣдателя окружнаго суда, Лугановичемъ, былъ очень радушно принятъ въ семьѣ его и сдѣлался даже другомъ дома. Мало-по-малу между нимъ и женою Лугановича Анной Алексѣевной образовалась взаимная склонность, но это влеченіе было безмолвное, чуждое не только какого-либо сближенія между любящими, но даже малѣйшаго признанія въ любви.

— Мы подолгу говорили, молчали, — рассказывалъ Алехинъ, — но мы не признавались другъ другу въ нашей любви и скрывали ее робко, ревниво. Мы боялись всего, что могло-бы открыть нашу тайну намъ же самимъ. Я любилъ нѣжно, глубоко, но я разсуждалъ, я спрашивалъ себя, къ чему можетъ повести наша любовь, если у насъ не хватитъ силъ бороться съ нею; мнѣ казалось невѣроятнымъ, что это моя тихая грустная любовь вдругъ грубо оборветъ счастливое теченіе жизни ея мужа, дѣтей, всего этого дома, гдѣ меня такъ любили и гдѣ мнѣ такъ вѣрили. Честно ли это? Она пошла бы за мной, но куда? Куда бы я могъ увести ее? Другое дѣло, если бы у меня была красивая, интересная жизнь, еслибъ я, напримѣръ, боролся за освобожденіе родины, или былъ знаменитымъ ученымъ, артистомъ, художникомъ, а то вѣдь изъ одной обычной, будничной обстановки пришлось бы увлечь ее въ такую же, или еще болѣе будничную. И какъ бы долго продолжалось наше счастье? Что было бы съ нею въ случаѣ моей болѣзни, смерти, или, просто, если бы мы разлюбили другъ друга?

И она, повидному, разсуждала подобнымъ же образомъ. Она думала о мужѣ, о дѣтяхъ, о своей матери, которая любила ея мужа, какъ сына. Еслибъ она отдалась своему чувству, то пришлось бы лгать, или говорить правду, а въ ея положеніи то и другое было бы одинаково страшно и неудобно. И ее мучилъ вопросъ: принесетъ ли мнѣ счастье ея любовь, не осложнитъ ли она моей

жизни, и безъ того тяжелой, полной всякихъ несчастій? Ей казалось, что она уже недостаточно молода для меня, недостаточно трудолюбива и энергична, чтобы начать новую жизнь, и она часто говорила съ мужемъ о томъ, что мнѣ нужно жениться на умной, достойной дѣвушкѣ, которая была бы хорошей хозяйкой, помощницей,—и тотчасъ же добавляла, что во всемъ городѣ едва ли найдется такая дѣвушка.

Такъ прошли цѣлые годы. Наконецъ, Лугановичъ былъ переведенъ въ западную губернію и только, когда Алехинъ прощался съ Анной Алексѣевной, оставшись случайно съ нею наединѣ въ купѣ, разставаясь навсегда, они не въ силахъ были утаивать болѣе другъ отъ друга свою долготѣнную любовь.

„Когда тутъ въ купѣ, рассказывалъ Алехинъ: взгляды наши встретились, душевныя силы оставили насъ обоихъ, я обнялъ ее, она прижалась лицомъ къ моей груди, и слезы потекли изъ глазъ; цѣлуя ей лицо, плечи, руки, мокрыя отъ слезъ,—о, какъ мы были съ нею несчастны!—Я признался ей въ своей любви и со жгучей болью въ сердцѣ я понялъ, какъ ненужно, мелко и обманчиво было все то, что намъ мѣшало любить. Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви надо исходить съ высшаго, болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе.

Я поцѣловалъ ее въ послѣдній разъ, пожалъ руку, и мы разстались навсегда. Поездъ уже шелъ. Я сѣлъ въ сосѣднемъ купѣ, — оно было пусто, — и до первой станціи сидѣлъ тутъ и плакалъ. Потомъ пошелъ къ себѣ въ Софійно пѣшкомъ“.

Спрашивается, для чего люди такъ калѣчатъ свою жизнь, подвергая самихъ себя добровольной каторгѣ? И причемъ тутъ какая бы то ни было среда, когда люди сами заѣдаютъ себя, малодушно отстраняясь отъ всякаго разумнаго существованія и счастья, ради какаго то никому ненужнаго и дряннаго вздора?

А. Снабичевскій.